

Монография «Полная редупликация: ареальный лингвистический анализ одной потенциальной универсалии» посвящена полной точной редупликации (далее просто «полной редупликации») в языках Европы.

Работа состоит из четырех основных частей: «Подходы к изучению полной редупликации», «Полная редупликация: материал мальтийского языка», «Полная редупликация: европейская перспектива» и «Чему нас учит полная редупликация?».

В основе проблематики данной монографии лежит следующее противоречие: полная редупликация предположительно считается универсальным языковым явлением (хотя почти ни в одной работе не была объектом специального типологического изучения), при этом попытка описать распространение полной редупликации в языках мира в рамках масштабного проекта World atlas of language structures (WALS) обнаружила целые области, где это явление, как кажется, отсутствует [Rubino 2005], причем одна из таких областей – Европа.

Причины отсутствия большого интереса к полной редупликации достаточно очевидны: во-первых, она по определению не представляла никакого интереса для многочисленных американских исследователей, моделировавших формальную морфонологию редупликации; во-вторых, она практически сливается (по крайней мере, в глазах многих лингвистов) с «прагматическими» повторами, производимыми в тексте с целью выделения и, соответственно, находящимися за границами морфологии и синтаксиса. Иными словами, полная редупликация выглядит достаточно тривиальным и неинтересным явлением с предсказуемыми формальными и семантическими свойствами. Подробный обзор литературы, представленный в монографии (с. 8–99), позволяет составить более детальное представление о том, что писали о точной редупликации и о редупликации в целом с начала XIX в. по настоящее время.

Проблему потенциальной универсальности полной редупликации для естественных языков авторы рассматривают, как уже сказано, на материале европейского ареала. Очевидно, что одна из возможных причин «белого пятна» на карте распространения редупликации – особенности грамматических традиций описания европейских языков, исключаящую полную редупликацию как тривиальное или периферийное (с точки зрения норм письменных языков) явление. Точка зрения носителей (которые

считают, что в их языках не представлено это «экзотическое» явление) также может быть обусловлена социолингвистическими причинами. С целью проверить эти предположения авторы предприняли объемное корпусное исследование изучаемых языков.

Корпусное исследование европейских языков построено на переводах двух литературных произведений: «Маленький принц» Антуана де Сент-Экзюпери и «Гарри Поттер и философский камень» Дж.К. Роулинг. Впечатляет набор языков, которые удалось обследовать на материале «Маленького принца»: среди них 34 идиома германской семьи и 34 идиома романской семьи, т. е. наряду с государственными и официальными языками в это множество входят и такие языковые разновидности, как аранский, бадийский (Badiota), гарденский (Gherdëina) и т. п. При этом наиболее подробный раздел книги (с. 206–330) посвящен семитскому языку, находящемуся на самой периферии Европы, мальтийскому. Множество мальтийских текстов, использованных для анализа, было получено случайной выборкой книг и состоит примерно из 1 млн. словоформ.

Важным результатом исследования стало проведение ряда изоглосс, разделяющих Европу. Обобщая более частные изоглоссы, можно сказать, что среди европейских языков действительно есть языки, избегающие использования полной редупликации (TR-avoiders, как они называются в монографии), и языки, в которых полная редупликация распространена не меньше, чем во многих «редуплицирующих» языках Азии и Африки. Итоговой можно считать карту на с. 417, на которой Европа разделена на три зоны (ареал, в котором активно используется полная редупликация, ареал, где она почти отсутствует, и промежуточная зона). Ареал использования редупликации (вместе с промежуточной зоной) напоминает подкову (или букву U), концы которой смотрят на север. Восточный конец подковы заканчивается ненецким, удмуртским и марийским, западный – валлийским и бретонским. В нижней части ареала находятся такие языки, как венгерский, албанский, греческий, итальянский (со всеми региональными разновидностями), баскский, португальский, а также многие романские идиомы на территории Испании – валенсийский, арагонский, астурийский, каталонский (но не галисийский, эстремадурский и стандартный испанский). Европейские языки с полной редупликацией примыкают к более широкому ареалу «редуплицирующих» языков Азии и Северной Африки (об этом подробнее

на с. 521–526). Языки центральной и северной Европы почти не используют полную редупликацию. Этот ареал больше, чем «каролингский» языковой союз (Франция и Германия), предложенный в свое время Й. ван дер Ауверой, но меньше, чем так называемый «стандартный средневропейский» (Standard average European, SAE), см. с. 518. Промежуточная зона преимущественно состоит из славянских языков (русский, украинский, словацкий, болгарский, славянские языки бывшей Югославии), а также включает румынский и молдавский.

Таким образом, проведенное исследование опровергает не только представление о полной редупликации как о «настоящей» универсалии (германские языки Европы почти не используют эту конструкцию), но и представление о том, что она не слишком характерна для языков Европы (во многих языках Европы редупликация оказывается весьма значимым явлением).

Для большинства лингвистов наибольший интерес представляет использование полной редупликации как грамматического средства. Согласно карте на с. 563, ареал таких языков несколько уже, чем зона активного использования полной редупликации. Например, туда не попадают романские идиомы севера Италии (фриульский и бергамский) и каталонский. Редуплицируются обычно адъюнкты; есть классы прилагательных, которые редуплицируются особенно часто (обозначающие размер, цвет, возраст и оценку, см. с. 420), во многих языках часто редуплицируются количественные числительные (с. 432). Почти никогда не редуплицируются основные аргументы глагола, имена собственные, личные местоимения, наречия и прилагательные в сравнительной степени (на с. 450 предлагается гипотеза, объясняющая редкость сравнительной степени в редупликации), указательные местоимения и служебные части речи (с. 419); в языках Западной Европы почти не редуплицируются глаголы (с. 428–432), кроме того, редупликация глагола ограничена самыми простыми глагольными формами (с. 451). В частности, редупликация может использоваться как словообразовательное средство, маркируя деривацию наречий (в частности, от прилагательных, см. с. 307–308, 422–423) или прилагательных (от существительных, с. 425; в целом про связь полной редупликации с наречной функцией см. с. 487–489). Обобщающая имплицативная зависимость между редупликацией разных частей речи приведена на с. 437:

глагол / местоимение / числительное > существительное > вопросительное слово / наречие > прилагательное.

Большой объем книги (600 страниц) является особенностью, скорее всего ограничивающей круг внимательных читателей. Работа

подчас кажется перегруженной необязательными деталями и соображениями. В частности, в монографии подробно рассматриваются не только надежные и нетривиальные, но и отрицательные результаты. Например, авторы решили проверить, нет ли корреляции между длиной текста и долей редупликации в текстах (с. 216–217) или между автором и конкретными редупликативными сочетаниями. Ни в том, ни в другом случае однозначной корреляции не найдено. Вполне возможно, что некоторым исследователям понадобится доступ ко всем полученным результатам, однако многим другим читателям, как кажется, важнее добраться до основных положительных результатов, минуя некоторые промежуточные пункты. Вероятно, в недалеком будущем, когда книги будут распространяться преимущественно в электронном виде, все необязательные пассажи будет легко спрятать под гиперссылками (впрочем, в бумажной книге можно было бы использовать петит).

В заключение укажем на следующую методологическую проблему. Данные о частотности полной редупликации с конкретными лексемами (см., например, с. 213) или семантическими группами лексем (с. 420–437) остаются недостаточно информативными, пока они не сопоставлены с данными по общей частотности этих лексем или групп лексем. То же касается, например, оценки частотности редуплицированных конструкций с лексемами, содержащими тяжелые консонатные кластеры (с. 439) и многие другие количественные оценки. Понятно, что такие данные практически невозможно извлекать из вручную обработанных корпусов. Однако такой подход больше соответствовал бы научным стандартам количественной лингвистики.

Вклад этой работы в теорию редупликации, пожалуй, достаточно скромный (например, критика «теории морфологического повтора» Ш. Инкелас и Ш. Золль на с. 516–517 выглядит не слишком убедительно). С другой стороны, для европейской ареальной лингвистики и для типологии редупликации монография войдет, вероятно, в набор обязательной литературы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Rubino 2005 – C. Rubino. Reduplication // M. Haspelmath, M.S. Dryer, D. Gil, B. Comrie (eds.). World atlas of language structures. Oxford, 2005. P. 114–117.

Ф.Р. Минлос

Сведения об авторе:

Филипп Робертович Минлос
Институт славяноведения РАН
f.minlos@gmail.com